

ДВА РАССКАЗА

БРОНЮС, ДРУГ ГЕДИМИНАСА

Что случилось, что произошло в тот день с человеком по имени Гедиминас, никто толком не знал. Но, несмотря на это, с самого раннего утра по улицам города поползли удивительные слухи о тех странных поступках, которые Гедиминас совершил накануне вечером.

Рассказывали, например, что без пятнадцати минут восемь перед самым закрытием промтоварного магазина туда вошел Гедиминас, бледный, с блеском в глазах. Ничего никому не сказав, он растолкал покупателей и полез в витрину. Он скинул оттуда на пол магазина белозубого неживого мужчину, блондина в черной паре, и сам стал на его место, растопырив руки и обратив к стеклу дикую улыбку. На улице перед витриной сейчас же собралась веселая толпа, а заведующая магазином, ломая руки, обозвала Гедиминаса злостным хулиганом. Когда же заведующей с помощью хохочущих покупателей удалось наконец вытащить Гедиминаса из витрины, он вырвался от держащих его людей и бегом умчался куда-то по улице в темноту.

Примерно через полчаса член пожарной дружины, дежуривший в этот вечер по городу, обнаружил Гедиминаса взбирающимся вверх по лестнице пожарной вышки. Как сообщил Гедиминас дежурному, ему очень хотелось спрыгнуть с самого верха вниз.

Кое-кто видел потом Гедиминаса стоящим посередине пруда перед костелом. Гедиминас влез в пруд одетым – в пиджаке, брюках и ботинках, желая утопиться. Осуществить же свое мрачное намеренье он, конечно, не мог, потому что в самом глубоком месте пруда вода едва доходила ему до колен.

В одиннадцать часов вечера, когда последние посетители покидали закусочную “Ужкандиня”, они обнаружили на улице против закусочной все того же неугомонного Гедиминаса. На этот раз Гедиминас висел на телеграфном столбе. Он держался на нем, крепко обхватив столб руками и ногами. Голова Гедиминаса была запрокинута, он смотрел вверх, на звезды, и тихо пел протяжную народную песню. Немногочисленные поздние прохожие стояли вокруг столба и в молчании слушали, как поет Гедиминас.

Обо всех этих невероятных происшествиях на другой день толковали на базаре, на почте, на складе овощной базы, в утреннем автобусе, следующем в районный центр, и за столиками закусочной “Ужкандиня”.

Разумеется, происшествия такого рода случались и раньше в нашем городе. Кое-кто, не разувшись, заходил случайно в пруд, кое-кто терял внезапно равновесие, падал в витрину и даже разбивал ее. Но на это даже внимания особенного не обращалось. Ведь именно такое поведение для кое-кого было вполне естественным. Но только не для Гедиминаса!

В том-то и дело, что как раз от него никто ничего подобного не ожидал. С незапамятных времен Гедиминас пользуется в нашем городе репутацией человека

в высшей степени уважаемого – непьющего, серьезного и спокойного. Вот потому-то странные его поступки, совершенные в один вечер, так взбудоражили весь город, вызвали в нем настоящий переполох.

– Хорошо, – можете вы сказать на это, – предположим, что Гедиминас ваш не какой-нибудь пьяница-алкоголик. Но ведь вполне могло случиться, что накануне вечером он все-таки выпил лишнего, а с непривычки хмель так ударил ему в голову, что он тут же эту голову и потерял.

И опять же выясняется в этом деле загадочное обстоятельство: алкогольных напитков в тот день Гедиминас не пил вовсе. Это категорически утверждают все, кто Гедиминаса тогда видел, общался с ним, разговаривал. Например, очевидцы того, как Гедиминас висел на столбе, в один голос заявляют, что в тот момент висящий Гедиминас распространял вокруг себя не запах спиртного, как того можно было ожидать, но от него явственно пахло прудовой тиной и сыростью. И собственная его жена Аушра, когда все это случилось, клялась и божилась, что муж ее и близко к бутылке не подходил.

Все это вместе взятое до того поразило и встревожило наш город, что часам к десяти утра на улице, где живет Гедиминас, собралась небольшая толпа. Из дома, крытого новеньким шифером, доносились громкие крики Аушры, которая на все лады ругала своего мужа, не умолкая ни на минуту. Голоса же самого Гедиминаса слышно не было.

Наконец распахнулась дверь, и на крыльце показалась растрепанная и возбужденная Аушра. Она спустилась во двор, подошла к забору и отсюда поведала пораженным слушателям, что Гедиминас в настоящий момент лежит в комнате на диване, ничего не ест и не произносит ни слова.

Соседи сокрушенно качали головами, смотрели с сочувствием на Аушру и с опаской – на дом, где лежал бессловесный и голодный Гедиминас. Соседи шепотом давали Аушре разнообразные советы и потом расходились, чтобы поскорее сообщить подробности остальной части города.

Жена Гедиминаса Аушра всю первую половину дня кричала и ругалась, не давая себе передышки. Начиная с полудня, она перестала ругаться и принялась плакать. Заплаканная и охрипшая Аушра появилась к половине первого в приемной городской амбулатории, где больные, сидя на окрашенных в белый цвет скамьях, дожидались своей очереди и разговаривали про Гедиминаса. Увидев в приемной Аушру, они все разом замолчали и охотно разрешили ей пройти в кабинет врача без очереди.

Врач Берта Михайловна Капельман уже знала о том, что вчера вечером произошло в городе. Каждый больной, являвшийся в это утро к ней на прием, сразу же после рассказа о своих недугах переходил к рассказу о вчерашних подвигах Гедиминаса. За часы приема история эта пополнялась все новыми и новыми подробностями и оттенками. Поэтому Берта Михайловна ничуть не удивилась, когда плачущая Аушра вошла в ее кабинет без предварительной записи и очереди. Она усадила Аушру на стул, ловко и безошибочно выхватила из стеклянного шкафика пузырек с валерьянкой, накапала валерьянки в стакан и велела Аушре выпить.

Когда Аушра немного успокоилась, Берта Михайловна задала ей несколько сугубо медицинских вопросов, касающихся Гедиминаса. Она ненадолго задумалась, выслушав Аушрины сбивчивые ответы, потом сказала, что придет и осмотрит заболевшего неизвестной болезнью Гедиминаса, как только закончатся у нее часы приема.

Берта Михайловна Капельман была человеком слова. А в данном конкретном случае сдержать свое слово ей помог и профессиональный, и чисто человеческий интерес к таинственному заболеванию Гедиминаса. Поэтому, как только последний больной покинул ее кабинет, она тотчас же поднялась с места, взяла свой порт-

фель, где лежал стетоскоп, градусник и бланки для рецептов, и направилась через весь город навестить Гедиминаса.

Любопытные, толпившиеся с утра у ворот Гедиминаса, к этому времени разошлись по своим домам на обед. Аушра теперь в одиночестве сидела на верхней ступеньке своего крыльца и, ожидая доктора, в нетерпении поглядывала на дорогу. Аушра повела Берту Михайловну сначала в кухню и угостила ее пельменями собственного изготовления. Сидя в кухне, они еще раз поговорили о несчастье, так неожиданно свалившемся на Аушру, а затем Берта Михайловна прошла со своим портфелем в комнату, где на зеленом диване лежал бессловесный, равнодушный ко всему Гедиминас.

Доктор придвинула один из стульев близко к дивану, села на него и вытащила из портфеля стетоскоп. Несколько минут она изучала своим строгим опытным взором бесстрастное лицо Гедиминаса.

– Было бы хорошо, Гедиминас, – мягко сказала Берта Михайловна, – если бы ты показал мне язык.

Гедиминас тотчас же показал свой язык, однако сделал он это не совсем так, как хотелось врачу. В далеко высунутом его красном языке определенно таилось издевательства над окружающими.

Берта Михайловна на своем стуле отпрянула слегка назад, так что стетоскоп закачался на ее высокой, обтянутой белоснежным халатом груди. Издали она еще раз уперлась взглядом в окаменевшие черты Гедиминаса. Наконец, доктор вздохнула, пощупала у Гедиминаса пульс и рассеянным взглядом обвела комнату.

– Не знаю, – с сомнением заметила доктор Капельман, обращаясь к застывшей у дверей Аушре, – полезен ли больному запах герани...

Герань в доме Гедиминаса росла в кастрюльках с землей, расставленных у окна на табуретах. Герань пышно цвела багрово-красными и розовыми цветами, отчего комната немного напоминала зимний сад.

– Вообще, Аушра, – добавила Берта Михайловна, – герань в доме – это провинциально. Вы же работник прилавка, культурный человек!

Аушра кивала головой, соглашаясь с доктором, но про себя решила поставить еще один гераневый куст в угол за диван, как только прохудится какая-нибудь из ее кастрюлек.

Берта Михайловна присела к столу и написала для Гедиминаса четыре рецепта на желтой бумаге. Она посоветовала Аушре давать больному как можно больше жидкости и ушла, не слишком довольная Гедиминасом.

После ухода врача Аушра побежала на кухню, налила в голубую миску свекольного хлодника, особенно любимого Гедиминасом, сунула туда ложку и поставила миску на стул у дивана. Но и к любимому хлоднику Гедиминас не проявил никакого интереса...

Когда старые деревянные часы Аушры с натугой проскрипели в кухне пять раз, на крыльцо их дома поднялся товарищ Григас, начальник районной милиции. Товарищ Григас остановился на пороге комнаты, куда провела его Аушра, и быстро оглядел отсюда диван с распростертым на нем Гедиминасом, герань, изразцовую печь и круглый стол, накрытый голубой клеенкой. Твердым шагом товарищ Григас приблизился к столу, взял в руки литровую бутылку из темного стекла и понюхал горлышко. В бутылке находилось подсолнечное масло.

– Так как же ты объяснишь свои поступки, гражданин Гедиминас? – сурово спросил товарищ Григас.

Уже то было страшно, что он называл Гедиминаса “гражданином”. До этого ведь они с Гедиминасом были добрыми знакомыми и не раз вместе отправлялись ловить рыбу на озеро Ряквива.

Тем не менее, Гедиминас, как видно, не очень испугался и объяснять свои поступки не стал. Он лежал на спине и, прищурившись, краем глаза наблюдал за

товарищем Григасом, шагающим взад и вперед по комнате.

– Так, – значительно сказал товарищ Григас. – Понятно!

Он остановился у окна, выглянул во двор и на стекле двумя пальцами – средним и указательным – отбил боевой кавалерийский марш.

Аушра, которой, наоборот, все было непонятно, при звуках этого марша вздрогнула и посмотрела на начальника милиции с тихим ужасом.

Но товарищ Григас больше ничего пояснять не стал. Он попрощался с Аушрой за руку и выразил тем ей свое сочувствие. Он окинул еще раз диван с Гедиминомасом уничтожающим взглядом и, твердо ступая, ушел в свою милицию, где ждали его другие неотложные дела.

Но не успела еще Аушра закрыть за товарищем Григасом калитку, как у порога ее дома показался новый посетитель. Это был молодой священник, а по здешнему – кунигас, настоятель местного костела, которого звали Ричард. Кипучая энергия и жажда деятельности переполняли кунигаса и выплескивались через край при каждом его движении. К дому Гедиминоаса Ричард примчался на гоночном велосипеде марки “Спорт”. Велосипед свой он оставил на улице возле калитки, однако Аушра вышла из дома и втащила велосипед кунигаса на террасу.

Ричард, одетый не по форме, в брюках и спортивной желтой куртке, торжественно прошествовал в комнату Гедиминоаса и склонился над зеленым диваном.

– Сын мой, – радостно сказал молодой священник. – Не хотел бы ты сейчас помолиться вместе со мной?

По всей видимости, Гедиминоас не хотел и этого. Он вздохнул, выразительно – снизу вверх – посмотрел на Ричарда и отвернулся к стене.

Тогда кунигас Ричард помолился перед диваном один. После этого он прошел в кухню к Аушре, чтобы успокоить ее и поддержать слабеющий Аушрин дух. Еще через несколько минут молодой священник, помахивая лапами куртки, как крыльями, уже мчался по городу на гоночном велосипеде, излучая на всем своем пути ту же неукротимую радостную энергию.

Поздно вечером, когда Аушра с опухшим от слез лицом сидела на табурете среди кустов герани и глядела на Гедиминоаса, ничего уже, впрочем, не видя и не различая, в дом к ним зашел еще один гость – старый приятель Гедиминоаса Бронюс.

Бронюс был худым лысым человеком с длинным носом и голубыми, чистыми, как у младенца, глазами. Дня два тому назад, в пятницу, Бронюс уехал в соседний район на именины своей старшей сестры. Но едва только он, вернувшись, переступил порог родного дома, как история, произошедшая с Гедиминоасом, стала ему известна от самого ее начала и до конца.

Пока Бронюс, проголодавшийся в дороге, занимался ужином, его жена, теща и две взрослые дочери в четыре голоса, перебивая и поправляя друг друга, поведали ему об ужасных событиях, случившихся в городе в его отсутствие.

– Пока ты веселился и напивался без памяти на этих глупых именинах, – едко сказала жена Бронюса, которая не любила Бронюсовой сестры и не одобряла ее именин, – тут человек сошел совсем с ума, свел с ума свою жену – женам-то всегда достается, за что только, спрашивается, – а теперь лежит на диване и помирает...

Бронюс, не торопясь, обглодал куриную ножку, поймал на вилку соленый огурчик, похрустел им и встал из-за стола. Не сказав никому ни слова, он вышел из дому и зашагал под горку, туда, где жил его друг Гедиминоас.

Бронюс оттер на крыльце подошвы, распахнул дверь и вошел в дом, где стояла такая удивительная тишина, словно и не жили в нем люди. Бронюс прошел по коридору в комнату и увидел здесь сидящую на табурете под цветами Аушру. Бронюс посмотрел на багровое, опухшее лицо Аушры и велел ей пойти на кухню и немедленно умыться холодной водой.

Когда Аушра ушла, Бронюс присел на диван в ногах Гедиминаса, вытащил из кармана черную свою трубку, аккуратно набил ее табаком и закурил. Сизое облачко выпорхнуло из трубки, развернулось в кольцо, поплыло в сторону раскрытого окна, но по дороге наскочило на розовые цветы и запуталось в них.

Бронюс проводил глазами облачко, потом перевел задумчивый взгляд на выбеленную, но уже заметно засиженную мухами стену над головой Гедиминаса.

– Гедиминас! – сказал негромко Бронюс. – Я ведь знаю, Гедиминас, что с тобой такое. Все это случилось с тобой потому, что тебе вдруг надоела твоя жизнь. Ты просто вдруг догадался, что она у тебя совсем не такая, какую ты хотел. И дом тебе этот перестал нравиться, и Аушра твоя, и хлодники, которые она для тебя готовит. Ты, Гедиминас, спохватился, что тебе другое нужно, другого ты всегда хотел. А когда ты спохватился, то сейчас же понял: поздно уже и ничего поменять нельзя. И от этого на тебя напала тоска чернее сажи, чернее колодца, если туда сунуть в полночь голову. Такая тоска, что сердце человеческое разорваться может.

А я, Гедиминас, потому про тебя все это знаю, что и со мной тоже такое бывает. Только когда меня схватит, я скорее без оглядки бегу в “Ужкандию”, ты знаешь. Но ты, Гедиминас, непыющий, поэтому тебе гораздо хуже, и ты уже совсем не понимаешь, что тебе делать и куда податься. Но и у тебя это тоже пройдет. Ты лучше вставай сейчас, Гедиминас, мы с тобой в шашки сыграем, пока еще совсем ночь не наступила...

Тогда Гедиминас встал со своего дивана, поел немного хлодника, и они сели играть в шашки. Они сыграли четыре партии, две из которых выиграл Бронюс, а две – Гедиминас, так что общим результатом была ничья.

А еще на следующий день к Бронюсу, хотя он этого и не ожидал, пришла слава. На базаре, на почте, на автобусной станции и в закусочной “Ужкандия” только и говорили о том, что он, Бронюс, когда захочет, – может вылечить любую болезнь, даже если от больного, ввиду полной безнадежности, отказались врачи и профессора.

Одна женщина, что живет на горе, за костелом, сунулась было к нему с узелком, в котором был завернут шмат сала и пол-литровая банка липового меда. Она хотела, чтобы Бронюс вылечил ее внучку от плоскостопия.

Но Бронюс только посмотрел на женщину ясными своими голубыми глазами и сказал негромко несколько слов. После чего эта женщина подхватила скорее свой узелок и опрометью выскочила со двора.

У нашего Бронюса выражение лица совершенно простодушное, детское даже что-то есть в его лице. Зато уж сказать веское, выразительное словечко он всегда сумеет.

ЗВЕНЯЩЕЕ МОРЕ

Ранним утром (а им спросонья показалось ночью) зашумел под окнами автобус, и они проснулись. Автобус уже двигался, огибал их корпус, утробно урчал и астматически задыхался. Они обе зашевелились в своих постелях, подняли от подушек головы. Скучный утренний свет проникал в комнату сквозь легонькую ситцевую занавеску, по потолку ерзала бледная тень дерева.

– Безобразие! – охрипшим после сна голосом заговорила ее соседка по комнате. – Дом отдыха называется! А людям отдыхать не дают. Нас в прошлом году в восемь туда возили, и ничего, прекрасно успели.

Услышав эти слова, она вдруг вспомнила, что сегодня суббота и что в столовой уже три дня висело объявление об очередной поездке отдыхающих на городской рынок – «барахолку». Она сонно поинтересовалась, что там есть, на этой барахолке.

– Да ничего там особенного нету! – раздраженно отвечала соседка. – Что у них, то и у нас. Мех, правда, можно достать недорогой, нутрию. Я в прошлом году дочери отсюда на воротник привезла. Вот такую...

Лежа на спине, соседка выпростала из-под одеяла руки, вскинула их над головой, расставив ладони, чтобы показать, какого размера была нутрия.

– А больше ничего интересного там не видела. Не советую вам ехать, время только зря потратите.

– Я не поеду, – сказала она. – Я и денег с собой совсем немного взяла.

– Ну это вы напрасно, – осудила соседка, – в Прибалтику обязательно нужно деньги брать. Тут снабжение хорошее.

Лениво, сквозь дремоту переговаривались они о том о сем до той поры, когда надо было уже подниматься и идти в столовую завтракать. Из столовой же сразу после завтрака отдыхающие один за другим потянулись к пляжу. Стояли самые последние теплые дни, и всем хотелось провести их у моря.

Они тоже собрались было на пляж, надели купальные костюмы и халатики, сложили в купленные уже здесь яркие целлофановые сумочки махровые полотенца. Но тут вдруг соседка дозналась, что в местный сельмаг только что завезли партию арбузов. Она уговорила ее пойти и занять очередь за арбузами, а к морю отправиться попозже. Когда же они наконец купили арбуз и отнесли его к себе в палату, времени уже было немало.

– Ну и что? – сказала на это соседка. – На пляже сейчас все равно долго не просидишь. С моря всегда ветер холодный дует. Повалешься за дюной с полчаса, и тебя уже домой тянет погреться.

Они взяли свои одинаковые сумочки и направились к дороге, ведущей на пляж.

Прямая, как стрела, залитая асфальтом дорога сначала поднималась вверх, на дюну, откуда открывался прекрасный вид на окрестности, а потом спускалась вниз и до самого моря шла попеременно то хвойным, то лиственным лесом. В воздухе над их головами мелькали облетающие с деревьев сухие листья, с едва слышным шорохом приземлялись они на синеватую полосу асфальта. Среди листьев видны были красные рябиновые гроздья, аверху за обнажившимися ветками проглядывал спящий глаз солнца. И хотя время уже близилось к полудню, у солнца, уставшего за лето, не было сил добраться до середины неба. Оно висело низко над лесом и тоже было похоже на спелый осенний плод. Лес кончился внезапно у подножья песчаных холмов, за которыми скрывалось море. Но еще издали, в лесу, она услышала его запах и беспричинно заволновалась...

На пляже в этот день было даже жарко. Слабый ветерок шевелил сухие песчинки, подгонял к берегу невысокую волну. Кое-где на песке видны были распостертые тела загорающих, вдоль кромки прибоя, согнувшись, брели собиратели янтаря. В воде, близко от берега, плескался единственный купальщик – белотелый полный человек. С берега поощряли его шутками и смехом приятели.

Они с соседкой отыскивали два полузасыпанных песком ящика, подтащили их поближе к воде и, скинув халатики, уселись загорать в трусиках и лифчиках.

– Я обожаю, – сказала толстая соседка, – загорать без ничего. Для организма это очень полезно. На юге я всегда обнаженная лежу на пляже. А здесь, видите, даже женского пляжа не могли оборудовать. А еще говорят – культурная республика.

Она ничего не отвечала, наслаждаясь ласковым теплом, которое медленно растекалось по коже. У самых ее босых ног то и дело тяжело хлопала по песку тугая волна.

– Вода сейчас, наверное, холодная, – снова заговорила соседка, – а на юге в это время самый бархатный сезон...

Она отвернулась от соседки, подняла голову и прислушалась. Ей показалось, что издали, из глубины морского простора долетает к ней тонкий, переливчатый, очень мелодичный звон.

– Что это звенит? – спросила она.

Соседка удивилась:

– Звенит? Ничего не звенит. Я не слышу.

Она снова прислушалась к далекому звону и вскочила на ноги.

– Я, пожалуй, выкупаюсь. Такой погоды, наверное, больше не будет. Сентябрь ведь...

– Не советую, – покачала головой ее спутница. – Радикулит можно получить или еще что-нибудь похуже. Смотрите, никто не купается. Мужчина только один плавал и вон бегом побежал из воды. Промерз, видно, до костей, бедняга.

Человек, плескавшийся недавно в море, действительно бежал теперь мимо них по песку к выходу. За ним с хохотом двигалась толпа его приятелей.

– И белый флаг висит, – продолжала соседка, – это означает, что сегодня небольшой шторм ожидается.

Над крышей домика спасательной станции, двери и окна которой были уже заколочены по случаю закрытия сезона, болталась выцветшая до белизны тряпка.

Она засмеялась:

– Да этот флаг здесь все время висит. При любой погоде.

Она натянула на голову белую резиновую шапочку с выпуклым рисунком ромашек и поехала, ступив босой ногой на мокрую холодную гальку.

– Далеко не уплывайте! – крикнула ей вдогонку соседка, когда она, зажмурившись, уже упала ничком в несущуюся навстречу волну.

Она и не собиралась уплывать далеко. Но, подхваченная волной, почувствовала вдруг, как обожгло ее резко холодом, свежестью, пронзительным счастьем, от которого у нее закружилась голова. Волна, оттолкнувшись от берега, зачерпнула в широкую горсть прибрежный песок, камни, ее и, как неводом, потащила следом за собой добычу. В самое лицо ей влажно задышал распахнутый широко простор, а отдаленный мелодичный звон, который она слышала на берегу, сделался отчетливым и близким.

Только на одну секунду вскинула она над водой голову, вдохнула напоенный ароматом моря воздух и, задыхаясь, ликуя, боясь отстать, рванулась вперед к новой летящей к берегу волне. Кинулась в нее, растворилась и потекла куда-то вместе с мерцающей зеленью воды, шипеньем белой пены и тонким свистом ветра в вышине...

Соседка на берегу, потеряв ее из виду, привстала с ящика и в тревоге оглядела волнующееся море. Ничего не увидев в нем, она громко окликнула ее по имени, растерянно посмотрела по сторонам и крикнула еще раз. А потом уже, теряя босоножки, оглядываясь то и дело назад, невнятно что-то выкрикивая и лоя воздух раскрытым ртом, понеслась по песку к видневшимся вдалеке людям.

Еще через несколько минут по пляжу с испуганными лицами бежали уже человек десять.

– Спасателя! – багровея от бега, выкрикивал низенький коротконогий человек в полосатых брюках и белой панамке, которую он на ходу придерживал рукой.

– Надо спасателя искать! Он рядом с домом отдыха живет!

За ним, чуть отстав, трусила группа женщин во главе с соседкой, заламывающей в отчаянии руки. Одна из женщин, помоложе, догадавшись, срезала дорогу и бросилась через дюны к шоссе, чтобы остановить одну из проезжающих машин.

Минут десять спустя пляж стал заполняться неизвестно откуда взявшимся народом. Разбрасывая колесами песок, к воде подкатила синяя машина «жигули», откуда на ходу выскочил спасатель – загорелый беловолосый паренек в плавках с зелеными ластами в руках.

– Где? – крикнул он столпившимся у воды людям. – В каком месте?

Соседка рванулась ему навстречу:

– Там! Вон туда она поплыла, в том направлении надо искать. Я ей говорю: не ходите, не ходите ради бога! Флаг висит запрещающий, это же верная гибель...

Но спасатель, обутый в ласты, уже бежал по мелководью, тяжело шлепая по воде, поднимая фонтаны брызг.

– Потонет еще, – всхлипнула соседка. – Теперь и этот парень утонет.

– Этот не утонет, – успокоил ее человек в белой панамке. – Он же спасатель, специалист...

На пляж въехала еще одна машина, газик защитного цвета. Из нее один за другим выскочили четыре милиционера.

– Как это случилось? – строго спросил расступившуюся толпу молодой лейтенант. – Кто свидетель несчастного случая?

– Я-а-а, – плаксиво отозвалась соседка и торопливо начала влезать в рукава своего халата. – Мы с ней вот здесь сидели, на ящиках. Я ей говорю...

– Подождите, гражданочка, остановил ее лейтенант. – Кажется, спасатель что-то нашел.

Но спасатель, показавшийся в этот момент из воды, только помахал над головой рукой и снова нырнул. Теперь на берегу все молчали и, волнуясь, смотрели на то место, где исчез под водой спасатель.

– Что-то он долго... – задумчиво сказал человек в панамке.

– Да-а... – неопределенно протянул лейтенант.

– Утонул он! – нервно выкрикнула соседка. – Я же говорила – утонет.

Теряя силы, она опустила на ящик.

Тем временем молодой спасатель и в самом деле почувствовал, что тонет. Свинцовой тяжести волна, не дав ему вынырнуть, навалилась сверху перевернула, и он, потеряв ориентацию, беспомощно забарахтался среди мятущихся, терзающих его потоков.

Тогда она тихо скользнула ему наперерез, подплыв сзади, обхватила руками его спину и с силой толкнула сквозь толщу воды вверх. И он, выбравшись наконец на поверхность, жадно глотнул воздух, проплыл саженками и встал у берега на ослабевшие ноги.

– Никого там нет, – сказал спасатель, откашливаясь и отплевываясь. – Все дно обшарил. Я и сам чуть было не утоп.

Он вышел на берег и прилег на теплый песок отдохнуть.

Лейтенант нагнулся к сидящей на ящике соседке:

– А может быть, она домой пошла? Просто ушла с пляжа, надоело ей загорать, а вы и не заметили. Вам просто почудилось, что она там, в море.

– Как это почудилось?! – почти в истерике закричала соседка. – Куда она ушла?! Вот ее халат лежит, и тапочки вот. Она мне говорит: пойду искупаюсь, а я ей...

Лейтенант отвернулся и сказал несколько слов стоящему рядом милиционеру. Тот быстро стянул с себя форму, скинул сапоги и, когда остался в одних трусах, рысцой побежал к воде. За ним следом пошлепал в своих ластах и отдохнувший спасатель. Отплыв немного от берега, они принялись нырять теперь уже вдвоем.

К пляжу между тем тянулись все новые прослышавшие про несчастье люди. У воды раздавались испуганные восклицанья женщин, возбужденные голоса расспрашивали о подробностях. Соседка, восседавшая в окружении густой толпы на ящике, в который уже раз принималась рассказывать:

– Мы с ней вот здесь сидели. Она – на том ящике, я – на этом. Вдруг она вскакивает и прямо к морю. Я ее прошу, умоляю: не ходите, нельзя сегодня купаться, видите, белый флаг вывешен, волна большая. Зачем же гибель свою искать? А она и слушать ничего не хочет – идет. А меня вдруг..., – понизив голос, вытаращив глаза, врала и верила себе самой соседка, – как током пронзило. Предчувствие какое-то было. Я поняла, что сейчас обязательно что-нибудь страшное случится. Я за ней бегу, кричу ей: «Вернитесь! Не ходите!» А она несется вперед и не оглядывается даже. Словно ее туда тянет что-то...

— Судьба! — многозначительно заметил тут один из новоприбывших, лысый мужчина в голубых шортах.

— Вот именно, вот именно! — обрадованно закивала соседка. — Я в тот момент как раз это и подумала. И представляете, как назло, людей поблизости никого не было, многие уже на обед пошли. А сама я плавать не умею. Да и сердечница я, мне нельзя. Не знаю еще, как я все это переживу, чувствую, что сама не выдержу.

— Лежит она теперь, бедняжка, где-нибудь на дне, — скорбно проговорила одна из женщин, — и не доныряешься до нее...

Она и в самом деле лежала, удобно устроившись на мягком дне, и смотрела большими прозрачными глазами на снующих вокруг нее спасателя и милиционера в черных трусах.

На берегу начальник милиции в это время громко объяснял собравшимся:

— Море, оно само выбросит. Море чужого не берет. Рано или поздно оно все выбрасывает, что ему не нужно. Мы-то знаем...

— Много тонет? — деловито поинтересовались голубые шорты.

Она пошарила по песку руками, отыскала застрявшую среди камней свою резиновую шапочку, подкинула ее над собой.

Начальник милиции встrepенулcя и прямо в сапогах побежал по воде, догоняя мелькнувший в волнах белый предмет. Подхватив шапочку, он, торжествуя, закричал:

— Ну что я говорил?! Море все выбросит. Это ее шапочка?

— Ее, ее, — подтвердила соседка. Она глядела на купальную шапочку с ромашками, и на лице ее был написан ужас. С шапочки на песок струйкой стекала вода. Между тем спасатель и помогавший ему милиционер уже вылезли на берег.

— Товарищ начальник! — бодро доложил мокрый, голубоватый от холода милиционер. — Утопленного тела нами не обнаружено.

— Так, — мрачно буркнул лейтенант и в досаде отшвырнул от себя ногой плоский камешек. — Значит, отнесло ее. Придется докладывать об утоплении в город. Одевайтесь, Сидоров! Одежду ее пока заберем с собой. Вещественные доказательства.

Отдыхающие, которые до этого толпились у воды и разглядывали пустынное море, начали понемногу расходиться. Газик защитного цвета умчал работников милиции вместе с вещественными доказательствами. Вслед за газиком уехала с пляжа и синяя машина спасателя. Соседку с двух сторон подхватили под руки женщины из дома отдыха, за ними, жадно прислушиваясь, двинулись остальные.

— Мы с ней с утра за арбузом стояли, — охотно излагала события соседка. — Купили арбуз и отнесли его в палату. И что бы нам тогда сразу сесть и съесть его, а на пляж не ходить! Я сама и не хотела идти, мне внутри какой-то голос твердил: не ходи, не ходи! А она — ни в какую, пойдём, да и все. Ее туда сила какая-то увлекала. Она даже загорать не стала, чуть присела на ящик, а потом сразу и кинулась... Боже мой, я чувствую, что заболелю от всего этого. Уверена, что к вечеру свалюсь с приступом стенокардии.

Позади нее сейчас же отозвался хор сочувствующих и утешающих голосов.

Пляж наконец опустел совершенно. Сделался слышным шорох, с каким ветер перекатывал с места на место сухие песчинки. К глуховатому рокоту волн прибавилcя теперь усталый шелест увядающего за дюнами леса. Чайки, которые только что с тревожными криками проносились над головами людей, опустились на воду и закачались в волнах, похожие издали на белые бумажные кораблики, которые мастерят ранней весной дети.

Она приподнялась, легко оттолкнулась от песчаного дна, вынырнула на поверхность и, не спугнув чаек, понеслась в открытое море. Водяные мутно-зеленые валы выростали на ее пути, обрушивались с грохотом, разлетались во все стороны сверкающими осколками и выбрасывали высоко в небо россыпи мельчайших, загоравшихся на солнце брызг.

Она догоняла бешено мчащуюся волну, с криком радости неслась вместе с ней, взлетала высоко, к самому гребню, и падала оттуда в облаке пены вниз, в бездну. И тогда, открыв глаза, видела над собой ярко горящую в лучах солнца семицветную радугу...

Через год, в первых числах сентября, она вновь приплыла к знакомому берегу. Привела ее сюда вовсе не тоска по своей прежней жизни, по людям. Она совсем не тосковала по ним. Так же как не тоскует по своему тесному кокону вылетевшая из него на свободу бабочка. Скорее ее привело в эти места простое любопытство. Она добралась до полосы прибоя и огляделась вокруг. Она заметила, что за это время волны успели изменить рельеф берега. Осенние штормы подмыли дюны, отчего полоска прибрежного песка сделалась шире и казалась более плоской. Метрах в трех от воды вдоль берега выстроились новенькие, блестящие от свежей краски лавочки. Но в остальном здесь все оставалось прежним. Окна и двери спасательной станции опять были заколочены широкими досками, а над крышей на длинном шесте дергалась под ветром выцветшая тряпка.

Фанерные стены станции со всех сторон были оклеены цветными плакатами. На одном из них из аквамариновой воды торчали судорожно растопыренные оранжевые руки утопающего и его круглое, похожее на репу лицо с раскрытым в крике ртом. На другом изображена была утлая лодочка, поднятая волной на дыбы. Из нее как горох сыпались в воду люди. Силуэты тех, кто еще стоял в накренившемся суденышке, покрашены были в розовый цвет, те же, что падали в воду, были зловеще черными.

Задувал северный ветер и нес с моря туман. Мутные полосы тумана уже нависли над пляжем, ползли в дюны. Отсыревший песок казался теперь не золотисто-желтым, а грязно-серым. По серому песку медленно передвигались редкие человеческие фигуры, неуклюжие из-за окутывающей их теплой одежды. За каждой из таких фигур волочилась по пляжу безобразная скорченная тень.

Она вышла из воды и уселась неподалеку от скамейки на песок, испещренный трехпальными следами чаек. На ярко-зеленой скамейке уже расположились две женщины, укутанные в толстые платки. Перед ними прохаживался взад и вперед высокий человек в плаще-болонье и в маленькой спортивной шапочке на голове. Под его ногами тяжело посапывал мокрый песок.

– В прошлом году, – рассказывал он своим спутницам, – здесь утонула одна женщина. Как раз вот здесь, в этом месте...

Через ее голову он ткнул пальцем в тихо шевелящуюся воду.

– Говорят, тело трое суток искали, так и не нашли. Сразу несколько отрядов водолазов работало, все дно здесь перерыли. А один из водолазов, совсем молодой паренек, сам едва не погиб. Еле его откачали. Тогда шторм был очень сильный, баллов двенадцать. Ну а ее, конечно, отнесло туда, к чужим берегам...

Он опять махнул рукой куда-то вдаль и печально покачал головой.

– И говорят, совсем не старая еще она была и плавать умела.

Женщины на скамейке разом вздохнули, одна из них сердито сказала:

– Вот и купайся после этого.

А вторая припомнила точно такой же случай, происшедший на пляже в городе Сочи.

– Нет, нет, – повторила опять первая женщина, – лучше не купаться вовсе. Можно ли так легкомысленно рисковать собственной жизнью из-за какого-то купанья? Я никогда не купаюсь, только обтираюсь влажным полотенцем. И этого вполне достаточно, уверяю вас.

Мужчина в спортивной шапочке, соглашаясь, покивал головой, поежился под порывом сырого ветра, плотнее запахнул свой ненадежный плащ.

– А нас, представьте, вчера на барахолку на автобусе возили, – сообщила та, что рассказывала про случай в Сочи.

Ее спутники, оживившись, повернулись к ней, и начался разговор о ценах на городском рынке.

Но она уже больше не слушала их. «У них все то же самое...», – подумала она и, отвернувшись, зевнула со скуки. Потом резво вскочила на ноги, отряхнула налипший к коленям песок и, поднявши веером брызги, упала в воду.

Рассекая волну, гоня перед собой султан пены, она неслась стремительно в свободное, звенящее на просторе море. И сама становилась этим звоном, легкой водяной пылью, пепельным туманом, влажным пахучим ветром.